

Гениальность и помешательство

Автор:

Чезаре Ломброзо

Гениальность и помешательство

Чезаре Ломброзо

Автор анализирует гениальность как психологический феномен на примере множества интереснейших фактов из жизни мировых знаменитостей. В книге раскрыта интереснейшая тема – влияние таланта на человеческую психику, глубинная связь гениальности с психическими отклонениями и даже заболеваниями. Что такое гениальность? Дар свыше или опасная болезнь, неизбежное проклятие для самого ее носителя? Личные психологические драмы, взлеты и падения великих мира сего раскрываются на конкретных исторических примерах в работе выдающегося психиатра прошлой эпохи Ч. Ломброзо.

Чезаре Ломброзо

Гениальность и помешательство

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Признание тесной связи и множества соотношений между гениальностью и помешательством глубоко укоренилось теперь среди ученых. Это произошло благодаря, во-первых, научным трудам Верга, Моро, Шиллинга и Маудсли, во-

вторых, исследованиям черепов великих людей, проведенным Брока, Канестрини, Тернером, Фогтом, Купфнером, Катрфажем и Мантегацца. До некоторой степени этому содействовала, может быть, и моя книга, выходящая теперь третьим изданием, но особенно большую роль сыграло в этом случае распространение множества журналов-дневников, которые несколько лет тому назад начали издаваться в Италии почти всеми лучшими больницами для умалишенных.

Чуть ли не каждый номер этих любопытных записей заключал в себе новые фактические данные в подтверждение верности тезиса, столько времени считавшегося нелепым парадоксом, а именно что душевнобольные лишь в редких случаях обнаруживают то полное расстройство умственных способностей, которое приписывает им толпа, и что, напротив, сам недуг нередко вызывает у них необыкновенную живость ума. Впрочем, хотя эта теория уже не считается в настоящее время нелепой или ложной, однако многие еще называют ее бесплодной, жестокой и практически неприменимой. Я не спорю, что она должна казаться печальной, но ведь в явлениях природы немало печального, с нашей точки зрения, – например, факт одновременного произрастания крапивы и розы, фиалки и полыни.

Однако разве ботаник возмущается подобным явлением, отрицает его? Нет, он принимает его к сведению, изучает, описывает, и, конечно, никто не поставит ему этого в вину.

Оспаривать пользу и важное практическое значение новейших исследований в области психиатрии может лишь тот, кому неизвестны их результаты, кто не знает, что именно благодаря таким исследованиям удалось не только определить, хотя бы отчасти, сущность и происхождение гениальности, но и рассеять навеки то роковое заблуждение, на основании которого помешанными, а следовательно, и невменяемыми считались только субъекты, окончательно потерявшие рассудок, вследствие чего тысячи невинных жертв психического расстройства были преданы как преступники в руки палачей.

Проф. Ч. Ломброзо Турин, 29 октября 1876 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Когда много лет тому назад, как бы под влиянием наития свыше (raptus), мне точно в зеркале с полной очевидностью представились соотношения между гениальностью и помешательством и я в 12 дней написал первые главы этой книги,[1 - Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, читанному в Павианском университете. Милан, 1863 г.] признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мной теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда ядром великих исторических событий, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения их произведений в области искусства и литературы с аналогичными произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В столь важном практическом значении новой теории меня убедили со временем как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития творческих дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени – Манжионе, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но в прямом смысле особая форма душевной болезни, и что одержимые ею субъекты, внешне совершенно нормальные, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему вновь заняться рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии стараются осмеять людей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную неменяемость вследствие душевной болезни некоторых из так называемых преступников и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими. На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, – ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро

наступит конец.

Проф. Ч. Ломброзо Турин, 1 января 1882 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Сочинение Ломброзо «Гениальность и помешательство» уже отчасти известно русской публике по журнальным отзывам и отчетам. Появившиеся об этой книге рецензии настолько выделили ее из ряда других, ей подобных, что попытка перевести психиатрический этюд итальянского ученого на русский язык не нуждается ни в оправдании, ни в пояснениях.

Считаем только нужным оговориться, что в силу неизбежных обстоятельств в книге местами сделаны кое-какие незначительные сокращения и выпущены те, интересные только для специалистов, подробности, которые обыкновенно очень пугают профанов. Таких подробностей, впрочем, не особенно много в сочинении Ломброзо, имеющем чисто публицистический характер и предназначенном столько же для ученых, сколько и для широкой публики. Сокращения коснулись главным образом мелких судебно-медицинских подробностей и цитат из литературных произведений помешанных, почти непереводаемых на чужой язык, а также отчасти того фактического материала, который имеет значение лишь для соотечественников автора и зачастую даже затемняет смысл доказываемых им положений. Кроме того, исключена помещенная в приложении статья о «Географическом распределении художников в Италии и научных исследователей во Франции» как слишком уж загроможденная именами второстепенных и третьестепенных «знаменитостей», сухая по изложению и представляющая исключительно местный интерес.

Эти сокращения желательно было бы восполнить данными из русской жизни, но их нет в руках частных лиц, а те врачи-психиатры, к которым издатель обращался с просьбой снабдить перевод соответствующими примечаниями, не могли этого сделать успешно: одни – за неимением свободного времени, другие – вследствие незнания итальянского языка или несогласия с главными положениями автора.

Цель и практическое значение своих исследований Ломброзо раскрыл с достаточной полнотой в двух предисловиях к различным изданиям книги и в самом тексте ее. Как ни обширна поставленная им себе задача, однако в недавнее время ее еще больше расширил немецкий психиатр Радсток, который счел возможным применить подобную теорию к малоисследованной психиатрии, но особенно важной для общества отрасли знания – педагогике.

Небольшая брошюра Радстока, появившаяся в прошлом году под заглавием «Genie und Wahnsinn», посвящена тому же вопросу, что и сочинение Ломброзо, но представляет самостоятельное исследование, в котором нет даже ссылок на труды итальянских психиатров. Между тем Радсток указывает в ней приблизительно на те же факты из жизни гениальных людей и проводит те же параллели между гениальностью и помешательством, как и миланский профессор, и только в практическом применении подобных исследований видит еще одну цель, а именно – считает их полезными для самообразования талантливых личностей и для руководства педагогам. Вот заключительные страницы его брошюры:

«Исследования относительно точек соприкосновения между гениальностью и помешательством помимо научного интереса имеют и практические цели. Многие из высокодаровитых людей, ознакомившись с жизнью своих великих предшественников, могут почерпнуть из нее не один поучительный пример. Кроме того, указания на опасности, сопряженные с выдающимися способностями, должны послужить для гениев предостережением и вызвать в них сознание необходимости избегать всяких возбуждений и противодействовать, насколько возможно, вредному влиянию аффектов. История дает немало примеров того, как люди эксцентрические, склонные к всевозможным излишествам, выходили потом на верный путь единственно благодаря энергичной борьбе со своими страстями и настойчивости в достижении этой цели. Но подобное самовоспитание представляет все-таки слишком большие трудности, особенно в зрелом возрасте. Гораздо легче могут достигнуть хороших результатов родители и воспитатели молодого поколения, для которых поэтому особенно важно знакомство с нормальными и болезненными проявлениями мозговой деятельности. Прежде всего родители должны знать, что пример их имеет на детей огромное влияние, подобно тому как истерия матери всегда переходит к дочерям, и все дурные привычки родителей, все психические ненормальности их непременно отражаются на детях, в том числе в силу бессознательного подражания. Затем, воспитателям никогда не следует добиваться того, чтобы из их питомцев вышли так называемые феноменальные дети (Wunderkinder), и для этой цели обременять

мозг их непосильными занятиями, вследствие чего обыкновенно задерживается физическое развитие ребенка и появляется предрасположенность к душевным болезням. Также вредно действует на детей непомерная требовательность, суровость обращения и отсутствие ласки, вследствие чего ребенок, не находящий удовлетворения своему любящему сердцу среди окружающих, получает склонность к фантазированию и мечтательности. Но едва ли не губительнее всего отражается на детях излишняя снисходительность родителей, дающая полный простор развитию упрямства, прихотей и ничем не сдерживаемых капризов ребенка. Из таких детей обыкновенно выходят люди, неспособные ни к самообладанию, ни к упорной борьбе с невзгодами жизни: они или гибнут при первом же столкновении с суровой действительностью, или превращаются в бездушных эгоистов.

Так как психическим страданиям более всего подвержены именно даровитые, гениальные личности, то именно их и необходимо с детства оберегать по возможности от разнородных вредных влияний, от всего, что слишком сильно действует на нервную систему: всякие возбуждения, страсти, порывы должны быть сдерживаемы насколько возможно, самолюбие следует поставить в должные границы, а тщеславие и самомнение – искоренять самым тщательным образом. Воспитатель обязан не допустить богато одаренный ум до раздвоенности или односторонности и привить своему питомцу любовь к серьезным добродетелям.

Не менее важные основы правильного воспитания составляют также самообладание и сила воли – качества, дающие человеку возможность противостоять каким бы то ни было вредным влияниям и нередко даже побороть первые приступы душевной болезни, хотя бы и наследственной. Однако твердая воля приобретает медленно, путем долгого упражнения, да и сам характер складывается не сразу, из отдельных, внезапно возникающих влечений и намерений, но исподволь и главным образом вследствие привычки. Герbart справедливо заметил, что как у мыслительных функций наших, так и у воли есть своя память, благодаря которой обычные, часто повторяющиеся проявления воли требуют меньшего напряжения, чем редкие, исключительные. Своего полного развития характер достигает, конечно, лишь при столкновении с жизненными бурями, но основа его закладывается у домашнего очага».

Психология и психиатрия являются, таким образом, по мнению Радстока, надежными руководительницами в деле воспитания; но для ознакомления публики с ненормальностями мозговой деятельности у гениев и помешанных

может послужить не столько его собственная брошюра, представляющая лишь собрание противоречащих один другому фактов, сколько вполне обработанное и прекрасно изложенное исследование Ломброзо.

К. Тетюшинова

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

I

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В высшей степени печальна наша обязанность – посредством неумолимого анализа разрушать и уничтожать одну за другой те светлые, радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своем высокомерном ничтожестве; тем более печальна, что взамен этих приятных заблуждений, этих кумиров, так долго служивших предметом обожания, мы ничего не можем предложить ему, кроме холодной улыбки сострадания. Но служитель истины должен неукоснительно подчиняться ее законам. Так, в силу роковой необходимости он приходит к убеждению, что любовь есть, в сущности, не что иное, как взаимное влечение тычинок и пестиков... а мысли – простое движение молекул. Даже гениальность – эта единственная державная власть, принадлежащая человеку, пред которой не краснея можно преклонить колена, – даже ее многие психиатры поставили на одном уровне с наклонностью к преступлениям, даже в ней они видят только одну из тератологических (уродливых) форм человеческого ума, одну из разновидностей сумасшествия. И заметьте, что подобную профанацию, подобное кощунство позволяют себе не одни лишь врачи и не исключительно только в наше скептическое время.

Еще Аристотель, этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками или прорицателями и что Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно

утратил эту способность».

Он же говорит в другом месте: «Замечено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхолики и помешанные, частью – мизантропы, как Беллерофонт. Даже и в настоящее время мы видим то же самое в Сократе, Эмпедокле, Платоне и других, и всего сильнее в поэтах. Люди с холодной, избыточной кровью (букв. желчь) бывают робки и ограничены, а люди с горячей кровью – подвижны, остроумны и болтливы».

Платон утверждает, что «неистовство совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием неистовства дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же совсем оказывались бесполезными. Много раз случалось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный экстаз и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней. Особый род неистовства, возбуждаемого Музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений».

Демокрит даже прямо говорил, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здравом уме. *Excludit sanos, Helicone poetas.*

Вследствие подобных взглядов на безумие, древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновенными свыше, что подтверждается, кроме исторических фактов, еще и тем, что слова *mania* – по-гречески, *navi* и *mesugan* – по-еврейски, а *nigrata* – по-санскритски, означают и сумасшествие, и пророчество.

Феликс Платер утверждает, что знал многих людей, которые, отличаясь замечательным талантом в разных искусствах, в то же время были помешанными. Помешательство их выражалось нелепой страстью к похвалам, а также странными и неприличными поступками. Между прочим, Платер встретил при дворе пользовавшихся большой славой архитектора, скульптора и музыканта, несомненно, сумасшедших. Еще более выдающиеся факты собраны Ф. Газони в Италии, в «Больнице для неизлечимо душевнобольных». Сочинение его переведено (на итальянский язык) Лонгоалем в 1620 году. Из более близких к нам писателей – Паскаль не раз говорил, что величайшая гениальность граничит с полнейшим сумасшествием, и впоследствии доказал это на

собственном примере. То же самое подтвердил и Гекарт (Hecart) относительно своих товарищей, ученых и в то же время помешанных, подобно ему самому. Наблюдения свои он издал в 1823 году под названием «Стултициана, или Краткая библиография сумасшедших, находящихся в Валенсьене, составленная помешанным». Тем же предметом занимались Дельпьер, страстный библиофил, в своей интересной «Histoire litteraire des fous», 1860 год, Форг – в прекрасном очерке, помещенном в *Revue de Paris*, 1826 год, и неизвестный автор в «Очерках Бедлама» (*Sketchers in Bedlam*, Лондон, 1873 г.).

За последнее время Лелю – в *Demon de Socrate*, 1856 г., и в *Amulet de Pascal*, 1846 г., Верга – в *Lipemania del Tasso*, 1850 г., и Ломброзо в *Pazzia di Cardano*, 1856 г., доказали, что многие гениальные люди, например Свифт, Лютер, Кардано, Бругам и другие, страдали умопомешательством, галлюцинациями или были мономанами в продолжение долгого времени. Моро, с особенной любовью останавливающийся на фактах наименее правдоподобных, в своем последнем сочинении «*Psychologie morbide*» и Шиллинг в своих «*Psychiatrische Briefe*», 1863 год, пытались доказать при помощи тщательных, хотя и не всегда строго научных исследований, что гений есть, во всяком случае, нечто вроде нервной ненормальности, нередко переходящей в настоящее сумасшествие. Подобные же выводы, приблизительно, сделаны Гагеном в его статье «О сродстве между гениальностью и безумием» (*Ueber die Verwandtschaft Genies und Irresein*, Berlin, 1877) и отчасти также Юргеном Мейером (*Jurgen Meyer*) в его прекрасной монографии «Гений и Талант». Оба этих ученых, пытавшихся более точно установить физиологию гения, пришли путем самого тщательного анализа фактов к тем же заключениям, какие высказал более ста лет тому назад, скорее на основании житейского опыта, чем строгих наблюдений, итальянский иезуит Беттинелли в своей, теперь уже совершенно забытой, книге «*Dell' entusiasmo nelle belle arti*», Милан, 1769 г.

II

СХОДСТВО ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ С ПОМЕШАННЫМИ В ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен,

хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими телодвижениями. Так, о Ленау и Монтеские рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребийон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева – также и икр. «Я, вероятно, был очень рассержен, – сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, – потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось». Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

«Лицо Кардуччи, – говорит Мантегацца, – по временам напоминает собой ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение».

Ампер не мог иначе говорить, как только шагая и оживленно жестикулируя. Известно, что обычный состав мочи и в особенности содержание в ней мочевины заметно изменяются после маниакальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только по воскресеньям с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно. Впоследствии Смит многими наблюдениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

На основании такого ненормального избытка мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также расстройства мускульной и половой активности, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся бледных и худых Кассиев. Даламбер, Фенелон Наполеон были в

молодости худы как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: «Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека».

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его искусство заменяет ему жену. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее.

Не редки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с очень высокой лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабильон, смолоду совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны головы. Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина, полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он в возрасте 13 лет свалился с лестницы головой вниз.[2 - Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был таким болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось. – Прим. пер.] Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга (midollo).

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», – говорит с

удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам признавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе (*Correspondance inedite. Paris. 1877*): «Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности: чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака».

Биша и фон-дер Колек заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Конолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них изгиб аорты направляет избыточный поток крови по сосудам, ведущим к голове, следствием чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно, всякая его творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой симфонии «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо подвигалась вперед, – говорил он, – я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал Богородицу – и вдохновение снова возвращалось ко мне».

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бегаёт взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собой, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно рождаются в их уме и брызжут сами собой, точно искры из горящей головни.

Это прекрасно выразил Данте в следующих трех строках:

...I mi son un che, quando

Amore spira, noto ed in quel modo

Che detta dentro vo significando.

«Когда любовью я дышу, то я внимателен:

ей только надо мне подсказывать слова, и я пишу».

(Чистилище, XXIV, 52, пер. М. Лозинского)

Наполеон говорил, что исход битв зависит от одного мгновения, от одной мысли, временно остававшейся бездеятельной; при наступлении благоприятного момента она вспыхивает, подобно искре, и в результате является победа (Моро).

Бауэр говорит, что лучшие стихотворения Ку были продиктованы им в состоянии, близком к умопомешательству. В те минуты, когда с уст его слетали эти чудные строфы, он был не способен рассуждать даже о самых простых вещах.

Фосколо сознается в своем *Epistolario*, лучшем произведении этого великого ума, что творческая способность писателя обуславливается особым родом умственного возбуждения (лихорадки), которого нельзя вызвать по своему произволу. «Я пишу свои письма, – говорит он, – не для отечества и не ради славы, но для того внутреннего наслаждения, какое доставляет нам упражнение наших способностей».

Беттинелли называет поэтическое творчество сном с открытыми глазами, без потери сознания, и это, пожалуй, справедливо, так как многие поэты диктовали свои стихи в состоянии, похожем на сон.

Гёте тоже говорит, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма.

Клопшток сознается, что, когда он писал свою поэму, вдохновение часто являлось к нему во время сна.

Во сне Вольтер задумал одну из песен Генриады, Сардини – теорию игры на флажолете, а Секендорф – свою прелестную песню о Фантазии. Ньютон и Кардано во сне разрешали математические задачи.

Муратори во сне составил пентаметр на латинском языке много лет спустя после того, как перестал писать стихи. Говорят, что во время сна Лафонтен сочинил басню «Два голубя», а Кондильяк закончил лекцию, начатую накануне.

«Кубла» Кольриджа и «Фантазия» Гольде были сочинены во сне.

Моцарт сознавался, что музыкальные идеи являются у него невольно, подобно сновидениям, а Гофман часто говорил своим друзьям: «Я работаю, сидя за фортепиано с закрытыми глазами, и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны».

Лагранж замечал у себя неправильное биение пульса, когда писал, у Альфиери же в это время темнело в глазах.

Ламартен часто говорил: «Не я сам думаю, но мои мысли думают за меня».

Альфиери, называвший себя барометром – до такой степени изменялись его творческие способности в зависимости от времени года, – с наступлением сентября не мог противиться овладевавшему им невольному побуждению, до того сильному, что он должен был уступить, и написал шесть комедий. На одном из своих сонетов он собственноручно сделал такую надпись: «Случайный. Я не хотел его писать». Это преобладание бессознательного в творчестве гениальных людей замечено было еще в древности.

Сократ первый указал на то, что поэты создают свои произведения не вследствие старания или искусства, но благодаря некоторому природному

инстинкту. Таким же образом прорицатели говорят прекрасные вещи, совершенно не сознавая этого.

«Все гениальные произведения, – говорит Вольтер в письме к Дидро, – созданы инстинктивно. Философы целого мира вместе не могли бы написать “Армиды Кино” или басни “Мор зверей”, которую Лафонтен диктовал, даже не зная толком, что из нее выйдет. Корнель написал своих «Горацийев» так же инстинктивно, как птица вьет гнездо».

Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные, так сказать, уже полученными впечатлениями и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, рождаются внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных. Этой же бессознательностью объясняется непоколебимая вера людей, фанатически преданных определенным убеждениям. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равномерности (равновесия) есть один из признаков гениальной природы. Дизраэли отлично выразил это, когда сказал, что у лучших английских поэтов, Шекспира и Драйдена, можно встретить и самые плохие стихи. О живописце Тинторетто говорили, что он бывает то выше Караччи, то ниже Тинторетто.

Овидию вполне правильно объясняет неодинаковость слога Тассо его же собственным признанием, что, когда исчезало вдохновение, он путался в своих сочинениях, не узнавал их и не в состоянии был оценить их достоинства.

Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство.

Припомните латинскую пословицу «Aut insanit homo, aut versus fecit» («Или безумец, или Стихоплет»).

Вот как описывает состояние Тассо врач Ревелье-Парат: «Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он минуту тому назад излагал».

Марини, когда писал *Adone*, не заметил, что сильно обжег ногу. Тассо в период творчества казался совершенно помешанным. Кроме того, обдумывая что-нибудь, многие искусственно вызывают прилив крови к мозгу, как, например Шиллер, ставивший ноги в лед; Питт и Фокс, приготавливавшие свои речи после неумеренного употребления портера; и Паизиелло, сочинявший не иначе, как укрывшись множеством одеял. Мильтон и Декарт опрокидывались головой на диван, Боссюэ удалялся в холодную комнату и клал себе на голову теплые припарки; Куйас (*Cujas*) работал лежа вниз лицом на ковре. О Лейбнице сложилась поговорка, что он мыслил только в горизонтальном положении – до такой степени оно было необходимо ему для умственной деятельности. Мильтон сочинял, запрокинув голову назад, на подушку, а Тома? (*Thomas*) и Россини – лежа в постели; Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой.

Очевидно, все они инстинктивно употребляли такие средства, которые временно усиливают прилив крови к голове в ущерб остальным членам тела. Здесь кстати упомянуть о том, что многие из даровитых, и в особенности гениальных, людей злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса; самого Цезаря солдаты часто приносили домой на своих плечах. Сократ и Сенека были казнены и не страдали белой горячкой. О смерти Алкивиада нет достоверных сведений. Запоем страдали также Коннетабль Бурбонский; Авиценна, о котором говорят, что он посвятил вторую половину своей жизни тому, чтобы доказать всю бесполезность научных сведений, приобретенных им в первую половину; и многие живописцы, например Караччи, Стен (*Steen*), Барбателли и целая плеяда поэтов – Мюрже, Жерар де Нерваль, Мюссе, Клейст, Майлат и во главе их Тассо, писавший в одном из своих писем: «Я не отрицаю, что я безумец; но мне приятно думать, что мое безумие произошло от пьянства и любви, потому что я действительно пью много».

Немало пьяниц встречается и в числе великих музыкантов, например Дюссек, Гендель и Глюк, говоривший, что «он считает вполне справедливым любить золото, вино и славу, потому что первое дает ему средство иметь второе, которое, вдохновляя, доставляет ему славу».

Замечено, что почти всегда великие творения мыслителей получают окончательную форму или, по крайней мере, ясные очертания под влиянием какого-нибудь особенного ощущения, которое играет здесь, так сказать, роль капли соленой воды в хорошо устроенном вольтовом столбе. Факты доказывают,

что все великие открытия были сделаны под влиянием чувственных впечатлений, как это подтверждает и Молешотт. Несколько лягушек, из которых предполагалось приготовить целебный отвар для жены Гальвани, послужили к открытию гальванизма. Ритмические качания люстры и падение яблока натолкнули Ньютона и Галилея на создание великих научных систем. Альфиери сочинял и обдумывал свои трагедии, слушая музыку. Моцарт при виде апельсина вспомнил народную неаполитанскую песенку, которую слышал пять лет тому назад, и тотчас же написал знаменитую кантату к опере Дон Жуан. Взглянув на какого-то носильщика, Леонардо задумал своего Иуду, а Торвальдсен нашел подходящую позу для сидящего ангела при виде кривляний своего натурщика. Вдохновение впервые осенило Сальватора Розу в то время, когда он любовался видом Позилипо, а Гогарт нашел типы для своих карикатур в таверне, после того как один пьяница разбил там ему нос в драке. Мильтону, Бэкону, Леонардо и Варбуртону необходимо было слышать звон колоколов для того, чтобы приняться за работу; Бурдалу, перед тем как диктовать свои бессмертные проповеди, всегда наигрывал на скрипке какую-нибудь арию. Чтение одной оды Спенсера возбудило в Коулее склонность к поэзии, а книга Сакробозе заставила Гаммада пристраститься к астрономии. Рассматривая рака, Уатт напал на мысль об устройстве чрезвычайно полезной в промышленности машины, а Гиббон задумал писать историю Греции после того, как увидел развалины Капитолия.[З - Гёте создал свою теорию развития черепа по общему типу спинных позвонков во время прогулки, когда, толкнув ногой валявшийся на дороге череп овцы, увидел, что он разделился на три части. - Прим. пер.]

Но ведь точно так же известные ощущения вызывают помешательство или служат исходной точкой его, являясь иногда причиной самых страшных припадков бешенства. Так, например, кормилица Гумбольдта сознавалась, что вид свежего, нежного тела ее питомца возбуждал в ней неудержимое желание зарезать его. А скольких людей подтолкнуло к убийству, поджогу или разрыванию могил впечатление от топора, пылающего костра и трупа!

Следует еще прибавить, что вдохновение, экстаз переходит зачастую в настоящие галлюцинации, потому что человек видит тогда предметы, существующие лишь в его воображении. Так, Гросси рассказывал, что однажды ночью, после того как он долго трудился над описанием появления призрака Прина, он увидел этот призрак перед собой и должен был зажечь свечу, чтобы избавиться от него. Балль рассказывает о сыне Рейнольса, что он мог делать до 300 портретов в год, так как ему было достаточно посмотреть на кого-нибудь в продолжение получаса, пока он набрасывал эскиз, чтобы потом уже это лицо постоянно было перед ним как живое. Живописец Мартини всегда видел перед

собой картины, которые писал, так что однажды, когда кто-то встал между ним и тем местом, где представлялось ему изображение, он попросил этого человека посторониться, потому что для него невозможно было продолжать копирование, пока существовавший лишь в его воображении оригинал был закрыт.

Если мы обратимся теперь к решению вопроса – в чем именно состоит физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного, то на основании автобиографий и наблюдений найдем, что по большей части вся разница между ними заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. Дикарь или идиот мало чувствительны к физическим страданиям, страсти их немногочисленны, из ощущений же воспринимаются ими лишь те, которые непосредственно касаются их в смысле удовлетворения жизненных потребностей. По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиной, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, что и проявляется впоследствии как творчество, хотя это только сочетание полученных ранее ощущений.

Галлер писал о себе: «Что осталось у меня, кроме впечатлительности, этого могучего чувства, являющегося следствием темперамента, который живо воспринимает радости любви и чуда науки? Даже теперь я бываю тронут до слез, когда читаю описание какого-нибудь великодушного поступка. Свойственная мне чувствительность, конечно, и придает моим стихотворениям тот страстный тон, которого нет у других поэтов».

«Природа не создала более чувствительной души, чем моя», – писал о себе Дидро. В другом месте он говорит: «Увеличьте число чувствительных людей, и вы увеличите количество хороших и дурных поступков». Когда Альфиери в первый раз услышал музыку, то был, по его словам, «поражен до такой степени, как будто яркое солнце ослепило мне зрение и слух; несколько дней после того я чувствовал необыкновенную грусть, не лишенную приятности;

фантастические идеи толпились в моей голове, и я способен был писать стихи, если бы знал тогда, как это делается...» В заключение он говорит, что ничто не

действует на душу с такой неотразимой силой, как музыка. Подобное же мнение высказывали Стерн, Руссо и Ж. Санд.

Корради доказывает, что все несчастья Леонарди и сама его философия были вызваны излишней чувствительностью и неразделенной любовью, которую он в первый раз испытал на 18-м году. И действительно, философия Леонарди принимала более или менее мрачный оттенок, смотря по состоянию его здоровья, пока наконец грустное настроение не обратилось у него в привычку.

Урквициа падал в обморок, услышав запах розы.

Стерн, после Шекспира наиболее глубокий из поэтов психолог, говорит в одном письме: «Читая биографии наших древних героев, я плачу о них, как будто о живых людях... Вдохновение и впечатлительность – единственные орудия гения. Последняя вызывает в нас те восхитительные ощущения, которые придают большую силу радости и вызывают слезы умиления».

Известно, в каком рабском подчинении находились Альфиери и Фосколо у женщин, не всегда достойных такого обожания. Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи, но и в поэзии. Несколько его эротических стихотворений до сих пор еще не утратили своей прелести.

А как рано проявляются страсти у гениальных людей! Данте и Альфиери были влюблены в 9 лет, Руссо – в 11, Каррон и Байрон – в 8. С последним уже на 16-м году сделались судороги, когда он узнал, что любимая им девушка выходит замуж. «Горе душило меня, – рассказывает он, – хотя половое влечение мне было еще незнакомо, но любовь я чувствовал до того страстную, что вряд ли и впоследствии испытал более сильное чувство». На одном из представлений Кина с Байроном случился припадок конвульсий.

Лорони видел ученых, падавших в обморок от восторга при чтении сочинений Гомера.

Живописец Франчия (Francia) умер от восхищения, после того как увидел картину Рафаэля.

Ампер до такой степени живо чувствовал красоты природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера. Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать своих занятий. Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия начали в туфлях плясать по своему кабинету. Архимед, восхищенный решением задачи, в костюме Адама выбежал на улицу с криком: «Эврика!» («Нашел!»). Вообще, сильные умы обладают и сильными страстями, которые придают особенную живость всем их идеям; если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что мало-помалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке.

Но именно эта слишком сильная впечатлительность гениальных или только даровитых людей является в громадном большинстве случаев причиной их несчастий как действительных, так и воображаемых.

«Драгоценный и редкий дар, составляющий привилегию великих гениев, – пишет Мантегацца, – сопровождается, однако же, болезненной чувствительностью ко всем, даже самым мелким внешним раздражениям: каждое дуновение ветерка, малейшее усиление жара или холода превращается для них в тот засохший розовый лепесток, который не давал заснуть несчастному сибариту». Лафонтен, может быть, разумел самого себя, когда писал:

«Un souffle, une ombre, un rien leur donne la fièvre».[4 - «Малейшее дуновение ветра, ничтожное облачко, каждый пустяк вызывает у них лихорадку».] Гений раздражается всем, и что для обыкновенных людей кажется просто булавочными уколами, то при его чувствительности уже представляется ему ударом кинжала.

Буало и Шатобриан не могли равнодушно слышать похвал кому бы то ни было, даже своему сапожнику.

Когда Фосколо разговаривал однажды с госпожой S. (пишет Мантегацца), за которой сильно ухаживал, и та зло посмеялась над ним, он пришел в такую ярость, что закричал: «Вам хочется убить меня, так я сейчас же у ваших ног размозжу себе череп». С этими словами он со всего размаха бросился головой вниз на угол камина. Одному из стоявших вблизи удалось, однако же, удержать его за плечи и тем спасти ему жизнь.

Болезненная впечатлительность порождает также и непомерное тщеславие, которым отличаются не только люди гениальные, но и вообще ученые, начиная с древнейших времен; в этом отношении те и другие представляют большое сходство с мономаньяками, страдающими манией величия.

«Человек – самое тщеславное из животных, а поэты – самые тщеславные из людей», – писал Гейне, подразумевая, конечно, и самого себя. В другом письме он говорит: «Не забывайте, что я – поэт и потому думаю, что каждый должен бросить все свои дела и заняться чтением стихов».

Менке рассказывает о Филельфо, как он воображал, что в целом мире, даже среди древних, никто не знал лучше его латинский язык. Аббат Каньоли до того гордился своей поэмой о битве при Аквилее, что приходил в ярость, когда кто-нибудь из литераторов не раскланивался с ним. «Как, вы не знаете Каньоли?» – спрашивал он.

Поэт Люций не вставал с места при входе Юлия Цезаря в собрание поэтов, потому что считал себя выше его в искусстве стихосложения.

Ариосто, получив лавровый венок от Карла V, бегал точно сумасшедший по улицам. Знаменитый хирург Порты, присутствуя в Ломбардском институте при чтении медицинских сочинений, всячески старался выразить свое презрение и недовольство ими, каково бы ни было их достоинство, тогда как сочинения по математике или лингвистике он выслушивал спокойно и внимательно.

Шопенгауэр приходил в ярость и отказывался платить по счетам, если его фамилия была написана через два п.

Бартез потерял сон от отчаяния, когда при печатании его «Гения» («Genie») не был поставлен диакритический знак над е. Уайстон, по свидетельству Араго, не решался издать опровержение ньютоновской хронологии из боязни, как бы Ньютон не убил его.

Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способностью перетолковывать в дурную сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии. Эта способность обуславливается именно более сильным развитием умственных сил, благодаря которым даровитый

человек более способен находить истину и в то же время легче придумывает ложные доводы в подтверждение основательности своего мучительного заблуждения. Отчасти мрачный взгляд гениев на окружающее зависит, впрочем, и от того, что, являясь новаторами в умственной сфере, они с непоколебимой твердостью высказывают убеждения, несходные с общепринятым мнением, и тем отталкивают от себя большинство обычных здравомыслящих людей.

Но все-таки главнейшую причину меланхолии и недовольства жизнью избранных натур составляет закон равновесия силы, управляющий также и нервной системой, закон, по которому вслед за чрезмерной тратой или развитием некоторой силы наступает ее чрезмерный упадок, – закон, вследствие которого ни один из смертных не может проявить известной силы без того, чтобы не поплатиться за это в другом отношении и очень жестоко; наконец, тот закон, которым обуславливается неодинаковая степень совершенства их собственных произведений.

Меланхолия, уныние, застенчивость, эгоизм – вот жестокая расплата за высшие умственные дарования, которые они щедро тратят, подобно тому как злоупотребления чувственными наслаждениями влекут за собой расстройство половой системы, бессилие и болезни спинного мозга, а неумеренность в пище сопровождается желудочными катарам.

После одного из тех экстазов, во время которых поэтесса Милли обнаруживала до того громадную силу творчества, что ее хватило бы на целую жизнь любому второстепенному итальянскому поэту, она впала в полуоцепеневшее состояние, продолжавшееся несколько дней.

Гёте, сам холодный Гёте, признавался, что его настроение бывает то чересчур веселым, то чересчур печальным.

Вообще, я не думаю, чтобы в целом мире нашелся хоть один великий человек, который, даже в минуты полного блаженства, не считал бы себя без всякого повода несчастным и гонимым или хотя бы временно не страдал мучительными припадками меланхолии.

Иногда чувствительность искажается и делается односторонней, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь пункте. Несколько идей определенного характера и некоторые особенно излюбленные ощущения

постепенно приобретают значение главного стимула, действующего на мозг великих людей и даже на весь их организм.

Гейне, сам признававший себя неспособным понимать простые вещи, Гейне, разбитый параличом, слепой и находившийся уже при смерти, когда ему посоветовали обратиться к Богу, прервал хрипение агонии словами: «Dieu me pardonnera – c'est son metier», закончив этой последней иронией свою жизнь, эстетически циничнее которой не было в наше время. Об Аретино рассказывают, что последние слова его были: «Guardatemi dai topi or che son unto».

Малерб, совсем уже умирающий, поправлял грамматические ошибки своей сиделки и отказался от напутствия духовника из-за того, что тот нескладно говорил.

Богур (Baugours), специалист по грамматике, умирая, сказал: «Je vais ou je va mourir» – «То и другое правильно».

Савтени (Santenis) потерял ум от радости, найдя эпитет, который тщетно приискивал долгое время. Фосколо говорил о себе: «Между тем как в одних вещах я в высшей степени понятлив, относительно других понимание у меня не только хуже, чем у всякого мужчины, но хуже, чем у женщины или у ребенка».

Известно, что Корнель, Декарт, Вергилий, Эдисон, Лафонтен, Драйден, Манцони, Ньютон почти совершенно не умели говорить публично.

Пуассон говорил, что жить стоит лишь для того, чтобы заниматься математикой. Даламбер и Менаж, спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио де Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жофруа.

Шестидесятилетний Линней, впавший в паралитическое и бессмысленное состояние после апоплексического удара, пробуждался от сонливости, когда его подносили к гербарии, который он прежде особенно любил.

Когда Ланьи лежал в глубоком обмороке и самые сильные средства не могли возбудить в нем сознания, кто-то вздумал спросить у него, сколько будет квадрат числа 12, и он тотчас же ответил: 144.

Себуя, арабский грамматик, умер с горя оттого, что с его мнением относительно какого-то грамматического правила не соглашался калиф Гарун-аль-Рашид.

Следует еще заметить, что среди гениальных или, скорее, ученых людей часто встречаются те узкие специалисты, которых Вахдакофф (Wachdakoff) называет монотипичными субъектами; они всю жизнь занимаются одним каким-нибудь выводом, сначала занимающим их мысль, а затем уже охватывающим их всецело: так, Бекман в продолжение целой жизни изучал патологию почек, Фреснер – Луну, Мейер – муравьев, что представляет огромное сходство с мономанами.

Вследствие такой преувеличенной и сосредоточенной чувствительности, как великих людей, так и помешанных чрезвычайно трудно убедить или разубить в чем бы то ни было. И это понятно: источник истинных и ложных представлений лежит у них глубже и развит сильнее, нежели у людей обыкновенных, для которых мнения составляют только условную форму, подобие одежды, меняемой по прихоти моды или по требованию обстоятельств. Отсюда следует, с одной стороны, что не должно никому верить безусловно, даже великим людям, а с другой – что моральное лечение приносит мало пользы помешанным.

Крайнее и одностороннее развитие чувствительности, без сомнения, служит причиной тех странных поступков вследствие временной анестезии[5 - Потеря осязательной чувствительности.] и анальгезии,[6 - Потеря болевой чувствительности.] которые свойственны великим гениям наравне с помешанными. Так, о Ньюtone рассказывают, что однажды он стал набивать себе трубку пальцем своей племянницы и что, когда ему случалось уходить из комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, он зачастую возвращался, не захватив ее. О Тюшереле говорят, что один раз он забыл даже, как его зовут.

Бетховен и Ньютон, принявшись – один за музыкальные композиции, а другой за решение задач, до такой степени становились нечувствительными к голоду, что бранили слуг, когда те приносили им кушанья, уверяя, что они уже пообедали.

Джиоя в припадке творчества написал целую главу на доске письменного стола вместо бумаги.

Аббат Беккария, занятый своими опытами, во время служения обедни произнес, забывшись: «*Ite, experientia facta est*» («А все-таки опыт есть факт»).

Дидро, нанимая извозчиков, забывал отпускать их, и ему приходилось платить им за целые дни, которые они напрасно простаивали у его дома; он же часто забывал месяцы, дни, часы, даже тех лиц, с кем начинал разговаривать, и точно в припадке сомнамбулизма произносил перед ними целые монологи.

Подобным же образом объясняется, почему великие гении не могут иногда усвоить понятий, доступных самым посредственным умам, и в то же время высказывают такие смелые идеи, которые большинству кажутся нелепыми. Дело в том, что большей впечатлительности соответствует и большая ограниченность конкретного мышления. Ум, находящийся под влиянием экстаза, не воспринимает слишком простых и легких положений, не соответствующих его мощной энергии. Так, Монж, делавший самые сложные дифференциальные вычисления, затруднялся в извлечении квадратного корня, хотя эту задачу легко решил бы всякий ученик.

Гоген считает оригинальность именно тем качеством, которое резко отличает гений от таланта. Точно так же Юрген Мейер говорит: «Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения – совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек – это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже и не видно для нас. Оригинальность – в натуре гения».

Беттинелли считает оригинальность и грандиозность главными отличительными признаками гения. «Потому-то, – говорит он, – поэты и назывались прежде *trovadori*» (изобретатели).

Гений обладает способностью угадывать то, что ему не вполне известно; например, Гёте подробно описал Италию, еще не видев ее. Именно вследствие такой прозорливости, возвышающейся над общим уровнем, и благодаря тому, что гений, поглощенный высшими соображениями, отличается от толпы в своих поступках или даже, подобно сумасшедшим (но в противоположность талантливым людям), обнаруживает склонность к беспорядочности, – гениальные натуры встречают презрение со стороны большинства, которое, не замечая промежуточных пунктов в их творчестве, видит только несовместимость сделанных ими выводов с общепризнанными мнениями и странности в их

поведении. Еще не так давно публика освистала «Севильского цирюльника» Россини и «Фиделио» Бетховена, а в наше время той же участи подверглись Бойто (его «Мефистофель») и Вагнер. Сколько академиков с улыбкой сострадания отнеслись к бедному Марцоло, который открыл совершенно новую область филологии; Болье (Boiyai), открывшего четвертое измерение и написавшего антиевклидову геометрию, называли геометром сумасшедших и сравнивали с мельником, который вздумал бы перемалывать камни для получения муки. Наконец, всем известно, каким недоверием были некогда встречены Фултон, Колумб, Папен, а в наше время Пиатти, Прага и Шлиман, который отыскал Трою там, где ее и не предполагали, и, показав свое открытие ученым академиком, заставил их прекратить насмехаться над собой.

Кстати, самые жестокие преследования гениальным людям приходится испытывать именно от ученых академиков, которые в борьбе против гения, движимой тщеславием, пускают в ход свою «ученость», а также обаяние их авторитета, по преимуществу признаваемого за ними как посредственным большинством, так и правящими классами тоже по большей части состоящими из посредственностей.

Есть страны, где уровень образования очень низок и где поэтому с презрением относятся не только к гениальным, но даже к талантливым людям. В Италии есть два университетских города, из которых всевозможными преследованиями заставили удалиться людей, составлявших единственную славу этих городов. Но оригинальность, хотя почти всегда бесцельная, нередко замечается также в поступках людей помешанных, в особенности же в их сочинениях, которые только вследствие этого получают иногда оттенок гениальности, как, например, попытка Бернарди, находившегося во флорентийской больнице для умалишенных в 1529 г., доказать, что обезьяны обладают способностью членораздельной речи (*linguaggio*). Между прочим, гениальные люди отличаются наравне с помешанными и склонностью к беспорядочности, и полным неведением практической жизни, которая кажется им столь ничтожной в сравнении с их мечтами.

Оригинальностью же обуславливается склонность гениальных и душевнобольных людей придумывать новые, непонятные для других слова или придавать известным словам особый смысл и значение, что мы находим у Викои Карраро, Альфиери, Марцоло и Данте.

ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И НА ПОМЕШАННЫХ

На основании целого ряда тщательных наблюдений, производившихся непрерывно в продолжение трех лет в моей клинике, я вполне убедился, что психическое состояние помешанных изменяется под влиянием колебаний температуры и давления. Так, при повышении температуры до 25°, 30° и 32°, в особенности если оно происходит сразу, число маниакальных припадков у сумасшедших увеличивалось с 29 до 50; точно так же в те дни, когда барометр показывал значительное повышение давления, число припадков быстро увеличивалось с 34 до 46. Изучение 23 602 случаев сумасшествия доказало мне, что развитие умопомешательства совпадает обыкновенно с повышением температуры весной и летом и даже идет параллельно ему, но так, что весенняя жара, вследствие контраста после зимнего холода, действует еще сильнее летней, тогда как сравнительно ровная теплота августовских дней оказывает менее губительное влияние. В следующие же затем более холодные месяцы замечается минимум новых заболеваний. Прилагаемая таблица показывает это вполне наглядно:

Полнейшая аналогия с этими явлениями замечается и в тех людях, которых природа – трудно сказать, благодетельная или жестокая – более щедро одарила умственными способностями. Редкие из этих людей не высказывали сами, что атмосферные явления производят на них громадное влияние. В своих личных беседах и в письмах они постоянно жалуются на вредное действие на них изменений температуры, с которым они должны иногда выдерживать ожесточенную борьбу, чтобы уничтожить или смягчить роковое влияние дурной погоды, ослабляющей и задерживающей смелый полет их фантазии. «Когда я здоров и погода ясная, я чувствую себя порядочным человеком», – писал Монтень. «Во время сильных ветров мне кажется, что мозг у меня не в порядке», – говорил Дидро. Джиордани, по словам Мантегацца, за два дня предсказывал грозы. Мен де Биран, философ, спиритуалист по преимуществу, пишет в своем дневнике: «Не понимаю, почему это в дурную погоду и ум, и воля у меня совершенно не те, как в ясные, светлые дни».

«Я уподобляюсь барометру, – писал Альфиери, – и большая или меньшая легкость работы всегда соответствует у меня атмосферному давлению: полнейшая тупость нападает на меня во время сильных ветров, ясность мысли у меня бесконечно слабее вечером, нежели утром, а в середине зимы и лета творческие способности мои бывают живее, чем в остальные времена года. Такая зависимость от внешних влияний, против которых я почти не в силах бороться, смиряет меня».

Из этих примеров уже очевидно влияние колебаний барометра на гениальных людей и большая аналогия в этом отношении между ними и помешанными; но еще заметнее, еще резче оказывается влияние температуры.

Наполеон, сказавший, что «человек есть продукт физических и нравственных условий», не мог выносить самого легкого ветра и до того любил тепло, что приказывал топить у себя в комнате даже в июле. Кабинеты Вольтера и Бюффона отапливались во всякое время года. Руссо говорил, что солнечные лучи в летнюю пору вызывают в нем творческую деятельность, и он подставлял под них свою голову в самый полдень.

Байрон говорил о себе, что боится холода, точно газель. Гейне уверял, что он более способен писать стихи во Франции, чем в Германии, с ее суровым климатом. «Гром гремит, идет снег, – пишет он в одном из своих писем, – в камине у меня мало огня, и письмо мое холодно».

Спалланцани, живя на Эолийских островах, мог заниматься вдвое больше, чем в туманной Павии. Леопарди в своем «Эпистоларио» говорит: «Мой организм не выносит холода, я жду и желаю наступления царства Ормузда».

Джустини писал весной: «Теперь вдохновение перестанет прятаться... если весна поможет мне, как и во всем остальном».

Джиордани мог сочинять не иначе как при ярком свете солнца и в теплую погоду.

Фосколо писал в ноябре: «Я постоянно держусь около горящего камина, и друзья мои над этим смеются; я стараюсь придать моим членам теплоту, которую поглощает и перерабатывает внутри себя мое сердце». В декабре он уже писал: «Мой природный недостаток – боязнь холода – заставил меня держаться вблизи

огня, который жжет мне веки».

Мильтон уже в своих латинских элегиях сознается, что зимой его муза делается бесплодной. Вообще, он мог сочинять только от весеннего до осеннего равноденствия. В одном из своих писем он жалуется на холода в 1798 году и выражает опасение, как бы это не помешало свободному развитию его воображения, если холод будет продолжаться. Джонсону, который рассказывает об этом, можно доверять вполне, потому что сам он, лишенный фантазии и одаренный только спокойным, холодным критическим умом, никогда не испытывал влияния времен года или погоды на свою способность к труду и в Мильтоне считал подобные особенности результатом его странного характера. Сальватор Роза, по словам леди Морган, смеялся в молодости над тем преувеличенным значением, какое будто бы оказывает погода на творчество гениальных людей, но, состарившись, оживлялся и получал способность мыслить лишь с наступлением весны; в последние годы жизни он мог заниматься живописью исключительно только летом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, читанному в Павианском университете. Милан, 1863 г.

2

Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был таким болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось. – Прим. пер.

3

Гёте создал свою теорию развития черепа по общему типу спинных позвонков во время прогулки, когда, толкнув ногой валявшийся на дороге череп овцы, увидел, что он разделился на три части. – Прим. пер.

4

«Малейшее дуновение ветра, ничтожное облачко, каждый пустяк вызывает у них лихорадку».

5

Потеря осязательной чувствительности.

6

Потеря болевой чувствительности.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lombrozo_chezare/genial-nost-i-pomeshatel-stvo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)